

Ежегодник Япония 2021. Т. 50. С. 9–31

Yearbook Japan 2021. Vol. 50, pp. 9–31

DOI: 10.24412/2687-1440-2021-50-9-31

Японский подход к четырехстороннему сотрудничеству в Индо-Тихоокеанском регионе

О. А. Добринская

Аннотация. В статье освещены особенности подхода Японии к четырехстороннему стратегическому диалогу, *Quad* в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). Токио выступил инициатором такого формата с 2007 г., когда С. Абэ предложил придать сотрудничеству Японии, США, Австралии и Индии постоянный характер. По ряду причин, в том числе в связи с уходом С. Абэ с поста премьер-министра, *Quad* прекратил существование. В 2017 г. в Токио вернулись к идее возрождения «четверки», рассматривая это как один из способов поддержания внимания США к региону и балансирования против Китая. Возобновление четырехстороннего сотрудничества в 2017 г. в условиях более явно выраженных противоречий между игроками «четверки» и Китаем обозначило новые приоритеты региональной повестки дня Токио. Интерес к четырехстороннему сотрудничеству тесно связан с выдвинутой С. Абэ в 2016 г. стратегией Свободного и открытого ИТР, которая предусматривает тесное политическое взаимодействие с ключевыми игроками региона и активное инфраструктурное строительство.

Правительство Ё. Суга продолжило внешнеполитический курс, провозглашенный С. Абэ, а внимание администрации Дж. Байдена к «четверке» дает основания полагать, что это направление станет ключевым в японо-американском сотрудничестве в ИТР. Участие в «четверке» является логическим продолжением тесного двустороннего и трехстороннего диалога Японии с США, а также с Индией и Австралией, отношения с которыми выходят на уровень, который можно характеризовать как квази-альянсы. При этом Япония заинтересована в том, чтобы *Quad* не воспринимался как эксклюзивный формат, сводящий установление правил поведения в регионе к волеизъявлению четырех игроков. Рассматривая «четверку» как инструмент

сдерживания Китая, Токио подчеркивает открытый характер этого механизма и стремится к расширению формата взаимодействия, который включал бы страны АСЕАН и европейских партнеров.

Ключевые слова: ИТР, внешнеполитическая стратегия С. Абэ, Ё. Суга, Япония, «четверка», Китай, АСЕАН.

Автор: *Добринская Ольга Алексеевна*, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Россия, 103031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: Doa_78@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Japan's Approach Towards Quadrilateral Cooperation in the Indo-Pacific Region

O. A. Dobrinskaya

Abstract. The article highlights the peculiarities of Japan's approach to the Quadrilateral Strategic Dialogue, the Quad, in the Indo-Pacific region. Tokyo initiated this framework since 2007, when S. Abe proposed establishing permanent cooperation between Japan, the USA, Australia, and India. For several reasons, including the departure of S. Abe from the post of prime minister, the Quad ceased to exist. In 2017, Tokyo returned to the idea of reviving the quadrilateral dialogue, seeing this as one of the ways to keep the US focused on the region and balance China's influence. The resumption of quadrilateral cooperation in 2017, in the face of more pronounced contradictions between the members of the Quad and China, marked new priorities for Tokyo's regional agenda. Interest in quadrilateral cooperation is closely related to the strategy of a Free and Open Indo-Pacific, put forward by S. Abe in 2016, which provides for close political interaction with key players in the region and active infrastructure construction. Y. Suga's government continued the foreign policy course proclaimed by S. Abe, and the attention of the Biden administration to the Quad gives reason to believe that this direction will become a key one in Japan-US cooperation in the Indo-Pacific. Participation in the Quad is a logical continuation of Japan's close bilateral and trilateral dialogue with the United States, as well as with India and Australia, relations with which are reaching a level that can be characterized as quasi-alliances. At the same time,

Japan is interested in the Quad not being perceived as an exclusive format that reduces the establishment of the rules of conduct in the region to the will of four players. Regarding the Quad as a tool to contain China, Tokyo emphasizes the open nature of this framework and seeks to expand the format of interaction that would include ASEAN countries and European partners.

Keywords: Indo-Pacific, Abe diplomatic strategy, Suga, Japan, Quad, China

Author: *Dobrinskaya Olga A.*, PhD, research fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 103031, Russia, Moscow, Rozhdestvenka Street, 12.

ORCID:0000-0002-5967-366X

E-mail: doa_78@mail.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interest.

В 2017 г. состоялась первая за 10 лет встреча старших должностных лиц США, Японии, Индии и Австралии, обозначившая возрождение четырехстороннего механизма сотрудничества, *Quad*. Динамика контактов в рамках «четверки» позволяет говорить о том, что она постепенно превращается в устойчивую платформу регионального сотрудничества. В данной статье рассмотрены некоторые аспекты ее деятельности через призму интересов Японии, а также роль Японии в *Quad*. В исследовании ставится вопрос о том, насколько долгосрочной является приверженность Японии идее четырехстороннего сотрудничества, каким образом она вписывается в ее внешнеполитическую стратегию. Для ответа на этот вопрос предлагается опираться на реалистскую парадигму международных отношений, использовать хронологический метод, контент-анализ и ивент-анализ. С этой целью проведен краткий обзор зарождения механизма «четверки», появление этой идеи во внешнеполитическом лексиконе Токио, роль и место четырехстороннего сотрудничества в индо-тихоокеанской стратегии Японии при С. Абэ и его преемнике Ё. Суга.

История четырехстороннего сотрудничества

История четырехстороннего взаимодействия берет начало еще в 2004 г., когда Япония, США, Австралия и Индия объединили усилия для работы по ликвидации последствий цунами в Индийском океане. Образованная тогда группа имела конкретную задачу и не

предполагала долгосрочного сотрудничества, выходящего за ее рамки. В 2007 г. премьер-министр С. Абэ выдвинул предложение на основе уже испытанного формата наладить четырехсторонний стратегический диалог. Идея получила положительный отклик у остальных участников, и в августе 2007 г. состоялась первая и на тот момент единственная встреча «четверки» на полях саммита Регионального форума Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) на Филиппинах.

Сам факт политического взаимодействия в таком формате, а также почти совпавшие по времени военные учения Малабар, в которых приняли участие страны «четверки» и Сингапур, были резко негативно восприняты в КНР. Нежелание провоцировать Пекин в конечном счете оказалось той причиной, по которой формат вскоре распался. Первой о выходе объявила Австралия, где пришедшее к власти правительство К. Радда отказалось проводить курс на конфронтацию с Китаем, поскольку считало это противоречащим национальным интересам. За ней вскоре последовала Индия, утратившая интерес к продолжению сотрудничества. В сентябре 2007 г. С. Абэ ушел в отставку, а сменивший его Я. Фукуда взял курс на сближение с Китаем, и идея «четверки» была постепенно забыта.

К идее сотрудничества в ИТР Япония вернулась осенью 2017 г. В октябре 2017 г. в интервью газете «Никкэй» министр иностранных дел Т. Коно озвучил идею возрождения формата четверки, которая позволила бы обеспечить мир на морском пространстве, простирающемся от Азии до Африки [Hayashi, Onchi 2017]. В ноябре 2017 г., после десятилетнего перерыва, работа четверки возобновилась. На первой встрече старших должностных лиц, прошедшей в Маниле, обсуждались вопросы безопасности на море, борьбы с терроризмом, ликвидации последствий стихийных бедствий. На этот раз четверка оказалась более жизнеспособной, за четыре года ее существования состоялось несколько встреч старших должностных лиц с периодичностью примерно дважды в год, три министерских заседания (включая телефонный формат). Знаковым событием стало проведение первого в истории четырехстороннего саммита 12 марта 2021 г. в формате видеоконференции, продолжением чего стала личная встреча лидеров четырех государств в Вашингтоне 24 сентября 2021 г. Ожидается, что саммиты приобретут регулярный характер и будут проходить ежегодно.

Постепенно вырисовывается постоянная повестка дня «четверки». Она включает в основном вопросы невоенной безопасности, такие как борьба с терроризмом, обеспечение безопасности на море, ликвидация последствий стихийных бедствий. В результате проведенных в 2021 г. двух саммитов она была расширена и конкретизирована — провозглашено партнерство в сфере борьбы с коронавирусом, с изменением климата, сотрудничество в сфере новейших технологий, кибербезопасности, космоса, совместное инфраструктурное строительство. Практическое сотрудничество в основном сосредоточено в тех областях, взаимодействие в которых не будет восприниматься Китаем как непосредственная угроза.

Новой тенденцией становится включение в повестку дня обсуждения конкретных стран. Так, на состоявшихся осенью 2019 г. встречах темами дискуссий стали ситуация вокруг КНДР, в Шри-Ланке и на Мальдивах. В заявлении лидеров в марте 2021 г. упомянуты вопросы морского порядка в ВКМ и ЮКМ, проблема денуклеаризации КНДР, решение вопроса похищенных, ситуация в Мьянме¹.

Сам факт появления и существования механизма «четверки» воспринимается неоднозначно. В Пекине не скрывают критического отношения к нему, и со временем китайская риторика приобрела новые оттенки: если в 2018 г. министр иностранных дел Ван И сравнивал «четверку» с морской пеной, которая вскоре исчезнет, то уже в 2020 г. он назвал *Quad* «Индо-Тихоокеанским НАТО», тем самым подчеркивая, что объединение четырех региональных игроков несет риск безопасности в регионе [Rej 2020]. Квартет критикуют за попытку создания некоего эксклюзивного блока государств, что способствует возрождению логики холодной войны. По словам замминистра иностранных дел И. В. Моргулова, реализация концепции ИТР несет угрозу фрагментации общего пространства и углубления имеющихся разделительных линий².

Появление «четверки» было с настороженностью воспринято в ЮВА и нередко трактовалось как попытка преуменьшить роль АСЕАН в регионе. Эти опасения были вполне естественны с учетом

¹ Quad leaders' joint statement: "The spirit of the Quad". 12.03.2021. The White House. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/12/quad-leaders-joint-statement-the-spirit-of-the-quad/>

² Моргулов: Россия и Япония пока в самом начале пути к заключению мирного договора. ТАСС. 4.05.2018. <https://tass.ru/politika/5175651>

того, что США нередко в наиболее значимых вопросах де-факто игнорировали региональные институты, в лучшем случае отводя им второстепенную роль в обсуждении вопросов безопасности [Колдунова 2017, с. 62].

В ответ на это страны «четверки» вскоре заговорили о центральной роли АСЕАН в сотрудничестве на пространстве ИТР. В заявлениях, касающихся ИТР, подчеркивается его открытость и инклюзивность, что снижает остроту восприятия четверки как формата избранных игроков. Стороны публично выражают поддержку принципу асеаноцентричности, а также выработанному Ассоциацией в 2019 г. «Взгляду АСЕАН на ИТР» (*Indo Pacific outlook*). Существуют прецеденты сотрудничества с другими государствами региона: в разгар борьбы с коронавирусом в марте 2020 г. четверка собралась в расширенном формате, с участием представителей Новой Зеландии, Южной Кореи и Вьетнама.

Накануне сентябрьского саммита четверки два ее участника — США и Австралия, — заключили трехсторонний пакт с Великобританией, предусматривающий приобретение Австралией британских атомных подводных лодок. Оценки влияния этого события на *Quad* разделились: часть аналитиков считает, что новое партнерство укрепит четырехсторонний механизм, а другие, напротив, опасаются, что оно приведет к снижению значимости четырехстороннего сотрудничества [Rajagopalan 2021].

«Четверка» во внешнеполитическом курсе Японии

Япония изначально выступала самым активным сторонником «четверки». Именно по предложению С. Абэ в августе 2007 г. состоялось первое заседание в этом формате. Внешняя политика Японии в период первого пребывания С. Абэ у власти демонстрировала явно выраженную геополитическую направленность, а также акцент на дипломатию ценностей. В недрах японского МИД была разработана концепция Дуги свободы и процветания, направленная на укрепление солидарности Японии со странами, разделяющими с ней ценности демократии, рыночной экономики, защиты прав человека и т. п.

Эта Дуга простиралась от стран Прибалтики через Центральную и Южную Азию, доходя до ЮВА и далее до Австралии. Япония намеревалась тесно сотрудничать со странами Дуги и при необходимости

оказывать им финансовую помощь. Тот факт, что Дуга огибала и Китай, и Россию, позволил многим наблюдателям трактовать ее как инструмент сдерживания. Примерно в то же время в Японии зазвучала риторика, отражающая новое понимание границ Азиатско-Тихоокеанского региона. Речь идет об укоренившемся сегодня понятии Индо-Тихоокеанского региона, или Большой Азии (*какудай Адзиа*).

Понятие ИТР, хотя и давно не новое (в годы холодной войны оно фигурировало в стратегических наработках США и Великобритании), в постбиполярный период впервые появилось в статье индийского аналитика Г. Хураны, посвященной японо-индийскому сотрудничеству в обеспечении безопасности морских линий коммуникаций. В статье доказывалось, что по мере экономического роста Индии ее интересы все более связаны с морскими коммуникациями, таким образом во многом совпадая с интересами Японии, чьи жизненно важные торговые артерии пролегают через Тихий и Индийский океан [Khurana 2007, p. 140]. Концепция ИТР вскоре была взята на вооружение в Токио и появилась в японском внешнеполитическом лексиконе в 2007 г. Находясь в Дели с визитом, японский премьер выступил в индийском парламенте с речью «Слияние двух океанов», в которой подчеркнул важность сотрудничества Японии и Индии по вышесуказанным вопросам.

В сентябре 2007 г. С. Абэ ушел в отставку, и вместе с ним отошли на второй план его инициативы, касающиеся увеличения роли Японии в обеспечении региональной и международной безопасности. Концепция Дуги свободы и процветания при новом премьер-министре Я. Фукуда постепенно перестала упоминаться в качестве одного из столпов японской дипломатии. Потерял Токио интерес и к «четверке». Период потепления отношений с Китаем оказался недолгим, а курс пришедшей к власти оппозиционной ДПЯ на сближение с Азией, создание восточноазиатского сообщества и проведение независимой от США внешней политики потерпел крах, что стало очевидно после скандала вокруг авиабазы Футэмма и кризиса 2010 г. в японо-китайских отношениях.

Вернувшись к власти в 2012 г., С. Абэ возродил многие начинания, связанные с его первым премьерским сроком. Это касается и дальнейшего развития взглядов на четырехстороннее сотрудничество в регионе. На следующий день после победы С. Абэ на выборах вышла в свет его статья «Демократический ромб безопасности». В ней говорится

о необходимости сформировать механизм, крайними точками которого будут Австралия, Индия, Япония и американский штат Гавайи, с тем чтобы охранять общее морское пространство, простирающееся от Индийского океана до западной части Тихого океана [Abe 2012]. Концепция, прежде всего, направлена на сдерживание Китая, который, по словам С. Абэ, стремится превратить ЮКМ в «Пекинское озеро». Концепция не стала частью официальной дипломатической повестки, скорее ее можно рассматривать как личное видение премьера, что, тем не менее, не умаляет ее значения.

Выдвижение Китаем инициативы «Один пояс, один путь» подтолкнуло Японию к еще более активному поиску путей противостояния геополитическому и экономическому усилению Китая, распространяющемуся от Восточной Азии до Ближнего Востока и берегов Африки [Галимзянова 2018, с. 161]. Ответом на китайский проект стало наращивание японского экономического присутствия в Центральной Азии, активизация дипломатии в ЮВА, усилившийся интерес к Африканскому континенту. На шестой встрече ТИКАД в августе 2016 г. в Кении С. Абэ изложил положения стратегии свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, сделав упор на взаимосвязи Азии и Африки и на перспективах их совместного процветания. Эта стратегия, отправной точкой которой является Восточная Азия, охватывает также Южную Азию, Ближний Восток и Африку, где планируется развернуть деятельность по созданию инфраструктуры, торговле, инвестициям, налаживанию условий для ведения бизнеса, развитию, воспитанию человеческих ресурсов³. ИТР характеризуется как пространство, где уважаются свобода, верховенство закона и рыночная экономика.

Три столпа индо-тихоокеанской стратегии включают:

- 1) распространение и укоренение принципов верховенства закона, свободы навигации, свободной торговли;
- 2) достижение экономического благосостояния;
- 3) обеспечение мира и стабильности.

Первое явно относится к Китаю, поскольку, по словам японских аналитиков, единственным игроком, который угрожает свободе

³ Дзию: дэ хиракарэта Индо Тайхэйё: сэнряку Jiyūde hirakareta Indo Taiheiōsenryaku [Стратегия свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона]. Синяя книга дипломатии Японии. МИД Японии. www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2017/html/chapter1_02.html#T003

навигации и верховенству закона на морском пространстве ИТР, является Китай. Второе — это признание важной роли АСЕАН. Одной из целей концепции является укрепление солидарности с АСЕАН. Причиной этого является не только географический фактор, поскольку ЮВА связывает Тихий и Индийский океаны, но и тот факт, что уже существуют многосторонние механизмы, ядром которых является АСЕАН (АРФ, ВАС, встречи министров обороны «АСЕАН плюс» и др.). Япония собирается не создавать новые структуры сотрудничества для осуществления своей индо-тихоокеанской стратегии, а намерена использовать существующие механизмы, осью которых является АСЕАН. В рамках третьего направления Япония делает особый акцент на развитие Африки. Неслучайно стратегия была озвучена на конференции ТИКАД. Планируется создание экономических коридоров, связывающих внутренние районы и побережье таких стран, как Мозамбик и Кения [Okamoto 2019].

Понятие ИТР, вновь прозвучавшее спустя много лет из уст С. Абэ, приобрело новое содержание, поскольку охватывает не только Индию, но и более отдаленные страны, доходя до Африканского побережья. Кроме того, стратегия опирается на основополагающие внешнеполитические принципы С. Абэ — панорамную дипломатию и активный пацифизм. Панорамная дипломатия предполагает расширение круга внешнеполитических партнеров и укрепление существующих партнерств, а активный пацифизм направлен на более заметное участие Японии в деятельности по обеспечению международной безопасности, расширяя диапазон возможностей Сил самообороны. Очертания региональной направленности стратегии Свободного и открытого ИТР явно схожи с китайской концепцией «Один пояс, один путь», охватывающей ключевые порты на побережье Индийского океана и простирающейся до берегов Африканского континента.

Можно сказать, что видение ИТР в версии С. Абэ 2.0 стало приобретать более выраженную антикитайскую направленность, что стало отражением растущего восприятия действий Пекина как вызова национальным интересам Японии. Жесткая риторика Китая, его действия в районе ВКМ и ЮКМ, растущее экономическое могущество, перспективы усиления геополитического влияния по мере реализации инициативы «Один пояс, один путь» побудили японское руководство искать новые пути сдерживания своего соседа.

После выдвигения С. Абэ стратегии Свободного и открытого ИТР японцы заговорили о возможности возобновления формата многостороннего взаимодействия с США, Австралией и Индией. В то же время смена власти в Вашингтоне поставила перед С. Абэ задачу удерживать внимание Белого дома на проблемах региона. По словам японских аналитиков, идея обратиться к понятию ИТР рассматривалась в Токио как способ вдохнуть новую жизнь в азиатско-тихоокеанскую политику Д. Трампа. Именно в ходе первого азиатского турне упоминание об ИТР активно зазвучало из уст нового президента. Интерес Японии заключался в том, чтобы не допустить ухода Вашингтона от решения проблем региональной безопасности в свете общей тенденции к изоляционизму республиканцев, снижению роли США в азиатских делах и ожиданий того, что влияние Китая в регионе превысит американское. Япония заинтересована в укреплении своего лидерства в регионе, о чем свидетельствует ее активная дипломатия, в том числе отношения со странами ЮВА, а также довольно жесткая позиция С. Абэ в спорных вопросах с соседними государствами и его инициативы в сфере поддержания безопасности в Азии.

В Токио обратили внимание на то, что в своих выступлениях президент США Д. Трамп использовал понятие ИТР, к которому премьер-министр С. Абэ обратился несколькими месяцами ранее. Это дало повод аналитикам сделать вывод о том, что на этот раз, в отличие от обычно принятого алгоритма действий, не Япония подстраивается под США, а, скорее, наоборот [Miyake 2018].

В заявлениях «четверки» проводится мысль об общности не только интересов, но и ценностей, что подразумевает широкий характер взаимодействия. Хотя Япония изначально строила свою индо-тихоокеанскую стратегию вокруг понятий «свободный» и «открытый», в ее политическом лексиконе стали фигурировать упоминания о его «инклюзивности», не без влияния Индии, настаивающей на таком понимании регионального сотрудничества. С. Абэ неоднократно подчеркивал, что концепция не направлена на сдерживание Китая и даже считает возможным его включение в сотрудничество в ИТР, если Китай выразит такое желание. Токио декларирует готовность взаимодействовать со всеми странами, разделяющими принципы свободного и открытого ИТР, и сегодня к ним причислены не только участники «четверки» и АСЕАН, но и страны Европы. По словам японского министра иностранных дел Т. Мотэги, свободный и открытый ИТР

позволяет участвовать в нем всем странам, разделяющим базовые ценности свободы, демократии, верховенства закона, свободы навигации⁴, однако можно предположить, что Токио вряд ли видит Китай в числе этих стран.

Придя к власти в сентябре 2020 г., Ё. Суга в целом продемонстрировал преемственность внешнеполитической линии своего предшественника. На первой пресс-конференции 16 сентября 2020 г. он упомянул стратегическое продвижение свободного и открытого ИТР как одну из главных целей своей дипломатии. Это относится и к сотрудничеству в рамках «четверки», которое сохранило значение в японской региональной политике и в японо-американском диалоге. На премьерство Ё. Суга пришлось два саммита «четверки», причем на второй он поехал за несколько дней до ухода с должности, тем самым демонстрируя приверженность работе этого форума и готовя задел на будущее своему преемнику.

Сентябрьский саммит четверки прошел в условиях формирования нового оборонного союза США, Австралии и Великобритании (AUKUS). На заседании четверки Ё. Суга приветствовал новое партнерство, подчеркнув его роль в обеспечении мира и стабильности в ИТР [Holland, Brunnstrom 2021]. С точки зрения Японии появление такого механизма повышает потенциал сдерживания Китая в ИТР, в том числе без ее военного участия, которое негативно сказалось бы на отношениях с КНР, ее важнейшим торговым партнером, и, вероятно, было бы отрицательно воспринято японской общественностью. Со всеми тремя участниками AUKUS у нее сложились тесные отношения в сфере безопасности, все они разделяют озабоченность развитием событий в ИТР. Что касается *Quad*, то, вероятно, он сохранит роль политического и экономического противовеса китайскому влиянию, что соответствует национальным интересам Японии.

Инфраструктурное сотрудничество в ИТР

Если политическое сотрудничество со странами «четверки» для Японии связано, прежде всего, с выстраиванием фронта солидарности против Китая, то его экономический аспект преследует цели наращивания экспорта инфраструктуры за рубеж. Инфраструктурное

⁴ Press conference by foreign minister Motegi Toshimitsu. 6.10.2020. MOFA Japan. https://www.mofa.go.jp/press/kaiken/kaiken4e_000852.html

строительство, в том числе увеличение экспорта японской инфраструктуры являлось одной из основ экономической политики С. Абэ. Еще в марте 2013 г. была создана экспертная комиссия по разработке инфраструктурной стратегии, а с появлением китайской инициативы «Один пояс, один путь» это направление получило значительный импульс. В мае 2015 г. С. Абэ объявил о выдвигании Инициативы качественной инфраструктуры, выделив порядка 110 млрд долл. на строительство и модернизацию различных объектов в Азии, а через год она была преобразована в Расширенное партнерство качественной инфраструктуры, увеличившее сумму содействия до 200 млрд долл. и охватывавшее не только Азию, но и Африку и Южную часть Тихого океана. Если в одиночку Япония вряд ли способна всерьез конкурировать с китайским проектом, то объединение усилий со странами «четверки» придаст иной масштаб ее зарубежному инфраструктурному строительству. Такое сотрудничество позволит наполнить содержанием формат четырехстороннего взаимодействия, придать ему долгосрочный характер, поскольку не будет восприниматься Китаем столь негативно, как, например, взаимодействие в военной сфере и в сфере безопасности.

Инфраструктурное сотрудничество в третьих странах уже несколько лет присутствует в повестке дня отношений Японии со странами «четверки». Намерение сотрудничать в создании качественной инфраструктуры неоднократно выражали Д. Трамп и С. Абэ⁵, а во время визита вице-президента М. Пенса в Токио было подписано совместное заявление о продвижении свободного и открытого ИТР путем сотрудничества в сферах энергетики, инфраструктуры и цифровой связи. В ноябре 2016 г. С. Абэ и Н. Моди выдвинули программу «Коридора роста Азия – Африка», нацеленную на повышение уровня благосостояния и взаимосвязанности стран Азии и Африки, для чего планируется выделить порядка 40 млн долл. на проекты в сфере развития, качественной инфраструктуры, институциональной взаимосвязанности, обучения и наращивания возможностей [Добринская 2019, с. 41].

На настоящее время существуют трехсторонние договоренности о совместном налаживании инфраструктуры между Японией, Индией и США, а также Японией, Австралией и США. В сентябре 2017 г. на

⁵ Japan-US summit meeting. 18.04.2018. MOFA Japan. https://www.mofa.go.jp/na/na1/us/page3e_000845.html

встрече министров иностранных дел Японии, США и Индии было принято решение сотрудничать в деле создания инфраструктуры в ИТР, прежде всего, в Южной и Юго-Восточной Азии, в частности, в таких странах как Непал, Бангладеш, Мьянма. Ожидается, что Индия займется развитием портовой инфраструктуры, Япония — созданием промышленных парков, а США — строительством электростанций. Существуют договоренности об инфраструктурном партнерстве и между Японией, Австралией и США. В ноябре 2018 г. Японский банк международного сотрудничества, американская Корпорация по частному инвестированию за рубежом и австралийское министерство иностранных дел и торговли, а также Корпорация по финансированию и страхованию экспорта подписали меморандум о взаимопонимании, давший старт трехстороннему инфраструктурному партнерству в ИТР. Первым проектом был выбран завод по производству СПГ в Папуа Новой Гвинее, в который планировалось вложить порядка 1 млрд долл. [Алифинова 2019]. В 2020 г. было утверждено финансирование 30-миллионного проекта прокладки подводного оптоволоконного кабеля на Палау.

В 2019 г. на бизнес-форуме в Бангкоке США обнародовали инициативу «Сеть голубых точек» (*Blue dot network*), предполагающую сертификацию проектов, отвечающих высоким стандартам качества, экологичности и транспарентности, что должно привлечь инвесторов к финансированию инфраструктуры. Эта программа схожа с выдвинутой С. Абэ Расширенным партнерством качественной инфраструктуры и с австралийской программой Партнерство для инфраструктуры и сразу получила поддержку этих стран, однако долгое время ее потенциал не был задействован. Администрация Дж. Байдена приняла решение активизировать работу на этом направлении, в июне 2021 г. прошла первая встреча консультативной группы, собравшая более 150 представителей бизнеса.

Идея инфраструктурного сотрудничества неоднократно обсуждалась на встречах «квартета», однако до сих пор конкретных проектов одобрено не было. По итогам встречи в ноябре 2019 г. четыре страны согласились усилить координацию инвестиций в качественную инфраструктуру на основе международных стандартов, таких как «Принципы G20 для инвестиций в качественную инфраструктуру», в том числе путем укрепления партнерских отношений и поддержки существующих региональных структур. С приходом администрации

Дж. Байдена внимание США к этому направлению работы возросло, на сентябрьском саммите было объявлено о запуске нового инфраструктурного партнерства *Quad*, и можно ожидать появления конкретных проектов сотрудничества в третьих странах.

Политический диалог Японии со странами «четверки»

Помимо вырисовывающихся перспектив многостороннего инфраструктурного сотрудничества с участниками «четверки» Япония уже на протяжении многих лет успешно взаимодействует с ними в военно-политической сфере, как в двустороннем, так и в мини-многостороннем формате.

На первой после прихода Д. Трампа встрече министров иностранных дел и обороны Японии и США в августе 2017 г. стороны выразили намерение усилить сотрудничество в сфере безопасности и обороны с Австралией, Индией и странами ЮВА. С японской стороны было заявлено о выделении помощи размером в 500 млн долл. для поддержки программ наращивания возможностей в сфере морской безопасности береговых государств в ИТР⁶. Если деятельность Д. Трампа, его склонность к изоляционизму вселяли в японцев неуверенность по поводу приверженности США свободному и открытому ИТР, то инициативы Дж. Байдена, напротив, были восприняты как возврат к привычному разделению ролей. Япония стала первой страной, с которой были проведены консультации в формате 2+2, а Ё. Суга — первым иностранным лидером, с которым встретился Дж. Байден. Стороны подтвердили уже ставшие классическими формулировки о значении альянса как краеугольного камня мира и безопасности в ИТР и в мире, распространении Договора безопасности на острова Сэнкаку (Дяоюйдао), приверженности США обеспечению безопасности Японии. В заявлении по итогам саммита присутствовали необычно жесткие формулировки, касающиеся Китая, включая ситуацию в Тайваньском проливе, в Гонконге и СУАР. Токио поддержал настрой Вашингтона, объявившего КНР главным стратегическим соперником.

Одним из первых шагов президента стало проведение первого в истории саммита четверки, что позволяет рассматривать *Quad* как

⁶ Japan-US security consultative committee. 17.08.2017. MOFA Japan. https://www.mofa.go.jp/na/st/page3e_000714.html

ключевой элемент азиатской стратегии новой администрации. Внимание Белого дома к ИТР, намерение выполнять роль движущего звена квартета, соответствует интересам Токио и особенно важно после ухода С. Абэ, который с особым энтузиазмом отстаивал концепцию четырехстороннего сотрудничества. Ё. Суга продолжил заложенный С. Абэ курс и полностью поддержал инициативы Вашингтона в ИТР. Уже в ходе первого телефонного диалога лидеры Японии и США обсудили идею проведения саммита «четверки», который был организован в онлайн формате 12 марта 2021 г. В заявлении по итогам двусторонней встречи в Вашингтоне Ё. Суга и Дж. Байден подтвердили решимость работать с Австралией и Индией в рамках «квартета», который «силен как никогда». Тематика встреч «четверки» все больше схожа с тем, что обсуждается в рамках японо-американского диалога. В совместном заявлении по итогам встречи Ё. Суга и Дж. Байдена отмечено сотрудничество в сфере борьбы с коронавирусом, а также запущено климатическое партнерство и партнерство в сфере технологий, что соответствует направлениям работы *Quad*. Таким образом, четырехсторонний формат и альянс дополняют и усиливают друг друга в областях невоенного сотрудничества.

Сближение с Индией, наметившееся при первом сроке С. Абэ, продолжается и набирает скорость сейчас. Внешнеполитическое видение С. Абэ коррелировало с индийской политикой «Действовать на Востоке (в восточном направлении)», проводимой Н. Моди. В ноябре 2016 г. лидеры двух стран провозгласили наступление новой эпохи в отношениях, основанной на сочетании японской стратегии свободного и открытого ИТР и индийской политики «Действовать на Востоке» [Добринская 2019]. Сотрудничество распространяется на ядерную энергетику, космос, информационные технологии и другие области, представляющие взаимный интерес.

В ноябре 2016 г. Япония и Индия заявили о намерении совместно реализовать программу «Коридор роста Азия – Африка» стоимостью 40 млрд долл., которая предполагает проекты в сфере развития качественной инфраструктуры, институциональной взаимосвязанности, обучения и наращивания возможностей. В качестве сильных сторон, отличающих японо-индийские инфраструктурные проекты от китайских, стороны акцентируют финансовую ответственность реципиентов, привлечение местной рабочей силы и ее обучение, а также устойчивость с точки зрения длительного использования. В отличие

от китайского, японо-индийский проект делает акцент на финансовую ответственность, не поощряя невозвратные долги, как в случае Шри-Ланки, попавшей в долговую капкан Китая.

Отношения Японии и Индии в сфере безопасности в последнее время вышли на новый уровень. Между странами установилось тесное оборонное сотрудничество, включающее обмен секретной информацией и перспективы взаимного использования военных объектов, развивается военно-техническое сотрудничество, проводятся многосторонние и двусторонние учения, и хотя Индия придерживается политики неприсоединения, по многим вопросам, касающимся обеспечения безопасности, ее позиции близки американской и японской [Добринская 2019]. В связи с новой волной коронавируса Ё. Суга был вынужден отменить визит в Индию, однако успел провести личную встречу перед саммитом «четверки», где лидеры подтвердили важность японо-индийского партнерства и приверженность сотрудничеству в ИТР.

Австралия как военно-политический союзник США является естественным партнером Японии, и за последние пятнадцать лет их отношения в сфере безопасности вышли на новый уровень. В 2007 г. стороны обнародовали Совместное заявление о сотрудничестве в сфере безопасности, придавшее импульс двустороннему взаимодействию. В 2010 г. было подписано соглашение о взаимных поставках оборудования и услуг между военными ведомствами, причем Австралия стала второй после США страной, с которой Япония заключила такое соглашение. В мае 2012 г. стороны зафиксировали договоренность о защите информации, позволяющее эффективно обмениваться секретными данными, а в июле 2014 г. подписали соглашение о военно-техническом сотрудничестве, в рамках которого Япония и Австралия могут обмениваться технологиями и осуществлять взаимную подготовку военнослужащих. Согласовано подписание соглашения о взаимном доступе, регулирующего статус ВС двух стран на территории друг друга. Япония и Австралия регулярно принимают участие в двусторонних и многосторонних учениях, поддерживают интенсивные военные обмены.

Австралия разделяет японское видение свободного и открытого ИТР, что было подтверждено во время поездки С. Абэ в Австралию в ноябре 2018 г. и визита С. Моррисона в Токио в ноябре 2020 г. В июне 2021 г. лидеры двух стран объявили о начале партнерства

в сфере снижения выбросов углекислого газа с помощью технологий, таким образом выведя на двусторонний уровень заложенную «четверкой» в марте 2021 г. программу сотрудничества.

Помимо вышеперечисленного, несколько лет действуют трехсторонние диалоговые механизмы США-Япония-Австралия, США-Япония-Индия, Япония-Индия-Австралия, встречи министров обороны США-Австралия-Япония. В 2002 г. состоялась первая трехсторонняя встреча старших должностных лиц Японии, Австралии и США, а в 2005 г. уровень диалога был повышен до министерского. Несколько лет существует переговорный механизм Япония-Индия-США: в Дели в апреле 2018 г. прошел четвертый диалог старших должностных лиц, а в ноябре 2018 г. и в июне 2019 г. состоялись встречи лидеров трех стран. В июне 2015 г. прошла первая встреча в рамках трехстороннего формата Япония-Австралия-Индия. Все это свидетельствует о том, что у Японии уже сложились тесные военно-политические связи со всеми участниками квартета, созданы предпосылки для налаживания многостороннего сотрудничества в четырехстороннем формате.

Основным сдерживающим фактором являются отношения его участников с Китаем, в том числе это относится и к Японии. С одной стороны, в Токио уже давно популярен тезис о «китайской угрозе», и, в отличие от Индии и Австралии, Япония более последовательно выступает за сдерживание Пекина. В то же время Токио с присущим ему прагматизмом подходит к сочетанию политики вовлечения Китая в сотрудничество в Азии и сдерживания его влияния в других регионах.

Японо-китайским отношениям присуще чередование периодов потепления и похолодания, на фоне усиления американо-китайских и американо-японских торговых противоречий в 2018–2019 гг. в отношениях Токио и Пекина наблюдалось сближение, которое, однако, не является свидетельством кардинальной смены внешнеполитического курса.

Скорее, речь идет об ограниченном улучшении отношений Китая и Японии, в выгодных обеим странам формах, не перетекающих тем не менее в существенное сближение при сохранении стратегического соперничества в сфере политики и безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе [Киреева 2020, с. 41].

Возможности партнерства в ИТР за пределами «четверки»

Японская сторона неоднократно подчеркивала, что видение свободного и открытого ИТР объединяет не только США, Японию, Австралию и Индию, но и включает АСЕАН и Европу. Токио стремится заручиться поддержкой со стороны АСЕАН своей индо-тихоокеанской стратегии, что приводит к активизации не только экономического, но и военно-политического взаимодействия.

Япония на протяжении последних нескольких лет стремится повысить свою роль в обеспечении безопасности ЮВА. Как и Вашингтон, Токио оказывает помощь странам АСЕАН, оснащая их береговую охрану, позволяя более эффективно патрулировать морское пространство и развивать свой потенциал противостояния Китаю. Это сопровождается активными дипломатическими усилиями по сближению со странами, имеющими территориальные противоречия с Китаем.

Отношения со странами ЮВА занимают особое место во внешней политике Японии, что продемонстрировала энергичная дипломатия С. Абэ. Неслучайно и первый визит нового премьер-министра состоялся именно в страны ЮВА — Индонезию, Вьетнам и Таиланд. За первый год пребывания у власти С. Абэ успел посетить все страны АСЕАН, задав тон активной дипломатии на этом направлении. Регулярные встречи на высшем уровне сопровождались установлением отношений стратегического партнерства (например, с Камбоджей, Малайзией), а также укреплением существующих партнерств (с Вьетнамом, Филиппинами, Индонезией). Премьер-министр Ё. Суга также совершил первые зарубежные поездки во Вьетнам и Индонезию, визиты сопровождались договоренностями о сотрудничестве в сфере обороны и безопасности. Помимо плотного политического диалога и экономического взаимодействия Япония в последнее время проявляет интерес к военному сотрудничеству, в особенности со странами, имеющими территориальные противоречия с Китаем [Добринская 2021, с. 62].

Для Японии важна поддержка АСЕАН ее региональных инициатив, поскольку это придает им более масштабный и легитимный в глазах региональной общественности характер, не сводя их к активности японо-американского альянса, поэтому в японских официальных

документах говорится о центральной роли АСЕАН в обеспечении свободного и открытого ИТР. Япония приветствовала обнародование АСЕАН «Взгляда на ИТР» и поспешила подтвердить его общность со своими взглядами. В выдвинутой С. Абэ программе оборонного сотрудничества под названием «Вьетнамское видение» содержится формулировка о сочетании АСЕАНовского «Взгляда на ИТР» с японской стратегией свободного и открытого ИТР, и присутствует тезис о центральной роли АСЕАН на пространстве Индо-Тихоокеанского региона. В ноябре 2020 г. на двадцать третьем саммите Япония — АСЕАН принято совместное заявление о сотрудничестве в духе Взгляда АСЕАН на ИТР.

Проблемы безопасности и поддержания стабильности в ИТР все чаще фигурируют в диалоге Японии с европейскими странами: с Великобританией, Францией и даже с Германией. Очевидно, что регион становится предметом более пристального внимания европейских стран: если до недавних пор из стран ЕС только Франция обозначала свое присутствие в ИТР, то к настоящему времени стратегии в отношении региона выработаны у Германии и Голландии. В январе 2021 г. министр иностранных дел Т. Мотеги был приглашен выступить в Совете по внешней политике ЕС с речью, посвященной свободно-му и открытому ИТР, что способствовало предметному обсуждению проблем региона и выработке ЕС собственной индо-тихоокеанской стратегии в апреле 2021 г. Намерение сотрудничать в ИТР зафиксировано и на двустороннем уровне между Японией и некоторыми странами Европы. В августе 2017 г. Япония и Великобритания подписали совместную декларацию о сотрудничестве в сфере безопасности, включая взаимодействие в ИТР. Перспективы взаимодействия в ИТР обозначены в принятой в июне 2019 г. японо-французской Дорожной карте новых горизонтов исключительного партнерства и подтверждены в совместном заявлении по итогам встречи Э. Макрона и Ё. Суга на Токийской Олимпиаде. В сентябре 2019 г. прошел первый раунд морского диалога Японии и Франции. И Великобритания, и Франция принимают участие в учениях или в патрулировании в районе ЮКМ. Внимание к проблемам ЮКМ демонстрировала Германия. Так, например, ситуация в ЮКМ обсуждалась на встрече С. Абэ с А. Меркель в октябре 2014 г. Выступая перед Центром стратегических международных исследований, министр иностранных дел Т. Мотэги подчеркнул, что Япония заинтересована в создании сети единомышленников

в ИТР с целью построения свободного и открытого миропорядка, основанного на законе. Помимо Европы и АСЕАН он упомянул страны Ближнего Востока и Африки [Moriyasu 2021].

Все это свидетельствует о том, что Токио стремится расширить круг партнеров на основании общих интересов, связанных с поддержанием баланса сил в ИТР и нейтрализацией активности Пекина. Можно говорить о его стремлении к созданию «мягких коалиций» вместе со странами, которые разделяют озабоченность по поводу современной траектории подъема Китая, ужесточения его внешней политики и его возможного доминирования [Киреева 2020, с. 29]. Это определяет заинтересованность Японии не столько в изолированном формате «четверки», сколько в создании широкого фронта единомышленников, который объединил бы ее с другими игроками. Именно сочетание мини-многосторонних механизмов с участием как региональных, так и внерегиональных игроков, озабоченных ростом Китая, представляется оптимальным для Японии.

Выводы

Налаживание четырехстороннего сотрудничества в ИТР, выдвинутое премьер-министром С. Абэ в 2007 г., в настоящее время закрепилось в качестве стратегического направления политики Японии на Индо-Тихоокеанском пространстве. Внимание Токио к «квартету» стало естественным продолжением политики балансирования против Пекина, и в условиях нарастания двусторонних противоречий Япония видит в нем инструмент сдерживания наступательной политики Китая. «Четверка» рассматривалась правительством С. Абэ и как инициатива, позволяющая удержать внимание США к региону и в то же время компенсировать риски, связанные с возможным снижением американского влияния в регионе, за счет формирования сети единомышленников, выступающих против чрезмерного усиления китайского влияния. Позиционируя Японию как ведущего глобального игрока, осуществляя «панорамную дипломатию» С. Абэ также стремился через эту инициативу реализовать лидерские позиции Японии в мире.

Особое значение «четверка» приобрела в контексте выдвинутой С. Абэ в 2016 г. концепции Свободного и открытого ИТР. Во-первых, ее можно считать конструктом, позволяющим Японии наращивать политическое присутствие на широком пространстве от Азии и Тихого

океана до берегов Африки. Во-вторых, важность «четверки» для Японии определяется возможностями, открывающимися в случае осуществления многостороннего инфраструктурного сотрудничества, что позволило бы представить мощную альтернативу инициативе «Один пояс, один путь». Япония уже сотрудничает со странами «четверки» в двустороннем и трехстороннем формате, и налаживание соответствующей деятельности в рамках *Quad* позволило бы существенно усилить это взаимодействие и придать ему масштабный характер.

Внимание администрации Дж. Байдена к «квартету» дает основания считать его ключевым элементом американской политики в ИТР, что отвечает интересам Японии. «Четверка» во многом является продолжением деятельности японо-американского альянса, усиливает его региональную роль, в том числе в сфере невоенной безопасности (например, гуманитарного сотрудничества, здравоохранения, охраны окружающей среды). Поскольку ее повестка охватывает области, напрямую не связанные с военно-политическим противостоянием США или Японии с Китаем, это позволяет снизить опасения других участников и партнеров «четверки», стремящихся уйти от конфронтации с Пекином.

Формат «четверки» является одним из звеньев в широкой глобальной сети взаимодействия Японии с государствами, разделяющими опасения по поводу растущего влияния Китая. Он усиливает японо-американский союз, а также открывает перспективы налаживания на его основе, а в широком плане — на основе самой «четверки», взаимодействие с единомышленниками, заинтересованными в сохранении баланса сил в ИТР. Именно значение «четверки» не как изолированного клуба избранных государств, а как платформы для налаживания расширенного взаимодействия позволит Японии реализовать внешнеполитическую стратегию мягкого сдерживания Китая.

Библиографический список

Алифирова Е. (2019) США, Япония и Австралия в противовес Китаю создают собственный «Пояс и Путь», решив проинвестировать СПГ-проект в Папуа-Новой Гвинее. *Нефтегаз*. 26.06. 2019. <https://neftegaz.ru/news/politics/455892-ssha-yaponiya-i-avstraliya-v-protivoves-kitayu-sozdayut-sobstvennyu-poyas-i-put-reshiv-proinvestirov/> (дата обращения: 22.02.2021)

Галимзянова А. К. (2018) Экономическая деятельность Китая в Африканских странах *Вестник молодых ученых-международников*. № 3. С. 160–167.

Добринская О. А. (2021) Военно-политическое сотрудничество Японии и АСЕАН: новые тенденции. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. Том II, № 2 (51). С. 49–64.

Добринская О. А. (2019) Индия во внешней политике С. Абэ. *Ежегодник Япония*. Т. 48. С. 25–55.

Киреева А. А. (2020) Новая историческая веха в китайско-японских отношениях: насколько глубоко потепление и что за ним стоит. *Японские исследования*. № 1. С. 21–47.

Колдунова Е. В. (2017) «Диалоговые партнерства» во внешней политике АСЕАН *Международные процессы*. 2017. Т. 15. № 3. С. 55–66.

Моргулов: Россия и Япония пока в самом начале пути к заключению мирного договора. (2018) *ТАСС*. 4.05.2018. <https://tass.ru/politika/5175651> (дата обращения: 15.12.2019)

References

Abe, S. (2012, December 27). Asia's democratic security diamond. *Project-syndicate*. Retrieved December 20, 2019, from <http://www.project-syndicate.org/commentary/a-strategic-alliance-for-japan-and-india-by-shinzo-abe>

Alifirova, E. (2019, June 26). SShA, Yaponiya i Avstraliya v protivoves Kitayu sozdayut sobstvennyi «Poyas i Put'», reshiv proinvestirovat' SPG-proekt v Papua-Novoi Gvinee [USA, Japan, and Australia build their own Belt and Road as a counterweight to China by deciding to invest in LNG project in PNG]. *Neftegaz*. Retrieved June 10, 2021, from <https://neftgaz.ru/news/politics/455892-ssha-yaponiya-i-avstraliya-v-protivoves-kitayu-sozdayut-sobstvennyy-poyas-i-put-reshiv-proinvestirov/> (In Russian).

Dobrinskaya, O. (2019). Indiya vo vneshnei politike S. Abe [India in Shinzo Abe's foreign policy]. *Ezhegodnik Yaponiya*, 25–55. (In Russian).

Dobrinskaya, O. (2021). Voennopoliticheskoe sotrudnichestvo Yaponii i ASEAN: novye tendentsii [Military-Political Cooperation Between Japan and ASEAN: New Trends]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, Vol. II, № 2 (51), 49–64. (In Russian).

Galimzyanova, A. (2018). Ekonomicheskaya deyatelnost' Kitaya v Afrikanских stranakh [China's economic activity in African countries]. *Vestnik molodykh uchenykh-mezhdunarodnikov*, 3, 160–167. (In Russian).

Hayashi, S., Onchi, Y. (2017, October 26). Japan to propose dialogue with US, India and Australia. *Nikkei Asian Review*. Retrieved December 20, 2019, from asia.nikkei.com/Politics/Japan-to-propose-dialogue-with-US-India-and-Australia

Holland, S., Brunnstrom, D., Bose, N., Martina, M. (2021, September 25) Quad leaders press for free Indo-Pacific, with wary eye on China. *Reuters*. Retrieved September 27, 2021, from <https://www.reuters.com/world/china/quad-leaders-meet-white-house-amid-shared-china-concerns-2021-09-24/>

Khurana, G. (2007). Security of sea lines: prospects for India-Japan cooperation. *Strategic analysis*. 1, 139–153.

Kireeva, A. (2020). Novaya istoricheskaya vekha v kitaisko-yaponskikh otnosheniyakh: naskol'ko gluboko poteplenie i chto za nim stoit? [A new historic era in China-Japan Relations: How deep is the rapprochement and what are the reasons?]. *Yaponskie issledovaniya*. 1, 21–47. (In Russian).

Koldunova, E. (2017). «Dialogovye partnerstva» vo vneshnei politike ASEAN [Dialogue partnerships in ASEAN foreign policy]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 15 (3), 55–66. (In Russian).

Miyake, K. (2018). Indo taiheiyo senryaku to wa nani ka [What is Indo-Pacific strategy?]. *The Canon Institute of global studies*. Retrieved December 10, 2019, from www.canon-igs.org/column/security/20180608_5078.html (In Japanese).

Moriyasu, K. (2021, March 4). Quad should work with ASEAN, Europe, Middle East and Africa: Motegi. *Nikkei Asia*. Retrieved June 6, 2021, from <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Indo-Pacific/Quad-should-work-with-ASEAN-Europe-Middle-East-and-Africa-Motegi>

Okamoto, J. (2019). Nihon to Gōsyū no Indo taiheiyo kōsō [Japan's and Australia's Indo Pacific concepts]. *Asiaken brief*, № 130. Institute of developing economies. JETRO. Retrieved May 20, 2021, from <https://www.ide.go.jp/library/Japanese/Publish/Reports/AjikenPolicyBrief/pdf/130.pdf> (In Japanese).

Rajagopalan, R. P. (2021, September 23). Does AUKUS augment or diminish the Quad? *The Diplomat*. Retrieved September 27, 2021, from <https://thediplomat.com/2021/09/does-aukus-augment-or-diminish-the-quad/>

Rej, A. (2020, October 15). China and the Quad: from sea foam to Indo-Pacific NATO. *The Diplomat*. Retrieved June 2, 2021, from <https://thediplomat.com/2020/10/china-and-the-quad-from-sea-foam-to-asian-nato/>